

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6

Яницкий О. Н.

**Глобальные социальные сети:
некоторые теоретические вопросы**

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru

*Статья поступила 18 августа 2018 г.; Принята 4 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Статья представляет собой попытку сформулировать некоторые общие принципы сетевого анализа с позиций социологии. Автор исходил из следующих предпосылок: сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение, однако ее динамика носит вероятностный характер. Сеть всегда есть взаимодействие агентов и среды их обитания; если несущая способность последней превышена, то она превращается в еще одного агента социального действия; современные сети есть порождение высоко интегрированной социобиотехнической системы (далее – СБТ-системы), в которых метаболические процессы играют ключевую роль. Социальные сети всегда имеют двунаправленный характер: вовне (освоение новых территорий и ресурсов) и вовнутрь для поддержания устойчивости общества и защиты прав и свобод граждан. В условиях развития информационно-коммуникационных систем сети могут возникнуть как в результате процессов общественного производства, так и быть социально-сконструированными, то есть СМИ являются мощным социальным институтом, формирующим общественное сознание и поведение. Сегодня нет более четкого разделения на природные и социальные системы. Сети, сформированные глобальными, региональными и локальными СБТ-системами, оказывают обратное влияние на структуру и динамику общественного производства. Сегодня общество сталкивается со сложным двойным вызовом: необходимостью дальнейшего технологического развития общества и одновременно его гуманизации в условиях ускоряющихся и разнонаправленных его трансформаций.

Ключевые слова: взаимодействие; время; глобализация; индивид; информация; культура; междисциплинарный подход; общественное производство; сети социальные; политика; СМИ; СБТ-системы; технология.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Глобальные социальные сети: некоторые теоретические вопросы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 72-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6.

Oleg N. Yanitsky | Global social networks: some conceptual issues

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, bld. 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 143964, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru

Received on August 18, 2018; Accepted on September 4, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The article is an attempt to formulate some general principles of network analysis under globalization from the viewpoint of sociology. These principles are the following: a network as a sociological category has an all-embracing and universal meaning. But today its dynamics has a probable character. Any network is always an interaction between the agents and their environment. If its carrying capacity exceeds this environment, it turns into one more agent of social action. Modern networks are the results of functioning of a highly-integrated sociobiotechnical system (hereafter – the SBT-system) in that the metabolic processes play a key role. Global social networks always have a double-sided character: outside-directed for the mastering of new territories and resources and inside-directed aimed at the maintenance of a society or community sustainability and at the defense of human rights and freedoms. Under conditions of information-communication society social networks may emerge as a result of development of social production or to be socially-constructed. Thus, mass-media are now a mighty instrument for shaping the publics' consciousness and behavior. There are no social networks shaped by natural or social agents separately. Modern global, regional and local networks have a reverse impact on structure and dynamics of public production as well as on human consciousness and behavior. Today, any society meets a double challenge: the necessity of further technological development and at the same time its humanization under conditions of its accelerating and multi-directional transformations.

Keywords: culture; globalization; individual; information; interdisciplinary approach; interaction; mass-media; public production; social networks; SBT-systems; technology; time.

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2018), "Global social networks: some conceptual issues", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 72-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6.

Введение (Introduction).

Общие принципы и подходы. Сегодня в общественных науках господствует представление, что сети это, прежде всего, суть информационные сети. Однако это глубокое заблуждение. С древности и до наших дней сети дорог, водных и морских путей, а сегодня – сети, реализованные в воздушной и космической средах, имеют не меньшее значение, чем глобальная «инфор-

мационная паутина». А линии государственных границ или межрегиональные размежевания оказывают на людей и их экономическую и политическую активность не меньшее влияние, чем виртуальные сети. Сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение.

Всякая сеть всегда есть взаимодействие, которое может быть мгновенным или отложенным, прямым или ассиметричным,

оно может быть осуществлено в виде прямого или косвенного (через другие структуры) ответа, или же вообще остаться безответным. Агентами (актерами) взаимодействия могут быть отдельные социальные (индивиды, общности, государства или их альянсы), технические структуры или природные объекты или природные экосистемы.

Во взаимодействии, как правило, участвует несколько агентов, но степень или форма этого участия может быть различной, от решающей до практически незаметной. Физический размер агента имеет значение, но далеко не главное. Из истории хорошо известно, что почтовый голубь или стая голубей с привязанной к их лапкам паклей, могли сыграть решающую роль в исходе политического противостояния или конкретной битвы.

В системном подходе к политическим и социальным проблемам *всегда есть агент и среда*. Среда может быть природной, социальной или технически сконструированной. Сначала в естественных науках, а сегодня и в социальных, широко используется понятие «несущей способности» среды (*carrying capacity*), то есть некоторый предел, до которого эта среда может аккумулировать, поглощать или даже не замечать оказанные на нее воздействия. Если этот предел превзойден, то результатом воздействия извне могут быть: трансформация, включая полное разрушение этой среды, или же превращение этой среды в агента социального действия, причем в агента достаточно агрессивного.

С момента зарождения человеческих сообществ их *сети всегда имели двунаправленный характер*: вовне, для поиска ресурсов своего существования и вовнутрь, для поддержания устойчивости самого сообщества. Также двунаправленными были и ориентиры, поддерживавшие и направлявшие деятельность сообщества: вовне (тотемы, религиозные догматы и обряды) и вовнутрь, поддерживавшие и воспроизводившие социальный порядок внутри местного сообщества (обычай, правила).

Общественные науки, изучающие социальные сети, как правило, отвлекаются от того факта, что среда обитания человеческих сообществ разнородна. В действительности же она не только «состоит» из природных, социальных и техногенных элементов, но и является собой сегодня некоторое интегрированное целое. Сегодня нет больше отдельно человека и природы, человека и «машины», а есть некоторое интегрированное целое, которое я называю СБТ-системой (см. Яницкий, 2016). Причем для разных сообществ формы сочетания природных, социальных и техногенных элементов и их взаимодействия будут различными.

Вариантов ответного действия (feedback) некоторого сообщества на изменение среды обитания могло быть много. Вначале человеческой истории эти малые сообщества постоянно перемещались в поисках средств жизнеобеспечения, жилища или же под воздействием изменявшихся климатических условий. Но в ходе исторического процесса сформировался ряд социальных институтов, главной задачей которых были охрана уже имеющихся условий жизни и постоянный поиск ресурсов для воспроизводства постоянно растущего «тела» самого сообщества. Мобильность агентов этого сообщества всегда была условием его самосохранения и расширенного воспроизводства. К. Маркс был прав, когда утверждал, что «человек живет природой». Но, как показал многовековой опыт человеческой истории, *«коллективный человек» живет также за счет других ему подобных сообществ*.

Но вернемся к реакции современных обществ на вызовы среды их обитания. Их много, от порождения этой средой лидеров общественного мнения, публичных фигур или же организаторов местных групп активистов или социальных движений и до массовых протестных выступлений и действий, захватывающих другие группы населения вплоть до политических кризисов и смены правительства (как это периодически происходит в разных частях света).

Но чем дальше, тем больше *современные «вызовы» порождаются качественно различными социальными явлениями*. С одной стороны, это вызовы, *порождаемые реальными кризисами* среды обитания (экономическим или финансовым кризисом, безработицей, демографическим дисбалансом), а с другой стороны, это – вызовы *социально-сконструированные* и внедряемые в массовое сознание посредством масс-медиа. В последнем случае принцип «следуй за агентом», присущий социологии модерна (Touraine, 1988; Fisher, 2003) замещается императивом «следуй за симулякрами», то есть генерируемыми масс-медиа образцами «должного», с целью поддержания потребительского спроса. Это не означает, что в обществе постмодерна традиция или сложившийся уклад жизни как этическая норма и социальный институт совсем исчезли, но то, что их регулятивная сила быстро ослабевает, это факт.

Особо важную функцию выполнял *язык как средство коммуникации* внутри и вне данного сообщества. Язык не только был средством, консолидовавшим данное сообщество и отличавшим его от других (принцип «свой» – «чужой»), но и инструментом, объединявшим членов данного сообщества для коллективных действий вовне. Эта «сигнальная» функция языка имела особое значение, поскольку поначалу мир вокруг данного сообщества был чужим и враждебным. Наконец, у языка была еще одна важная функция: он не только консолидировал действия сообщества, но и помогал ему переводить «язык природы» на язык социального действия (охота, рыболовство, изготовление орудий труда, сооружение жилищ и т.д.). То есть наблюдение как момент любого социального действия всегда было важнейшей функцией поддержания жизнеспособности данного сообщества. Наблюдение было отправной точкой последующего формирования науки, политики и других социальных институтов, как и упомянутый выше принцип обратной связи в системе «человек–

среда его обитания». Иными словами, междисциплинарный подход к изучению СБТ-систем, над которым бьются современные ученые, осуществлялся еще в глубокой древности опытным путем.

Наконец, поскольку во всех общественных системах существовали асоциальные сообщества (криминальные, теневые, коррупции и т.д.), *всегда были сети явные и тайные, официальные и криминальные*. Иными словами, общественная жизнь была всегда разделена на две сферы: публичную и скрытую от глаз общества. С развитием информационно-коммуникационных технологий параллельно развивались две сферы общественного производства: одна была практически доступна всем, тогда как другая развивалась и действовала только в интересах ограниченного круга социальных агентов. Проблема не только в том, что эти сети конкурировали друг с другом, но и в том, что они были построены на разных принципах. Более того, в ряде сообществ асоциальные сети постепенно взяли верх над публичными сетевыми сообществами.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Вызовы современного глобального сообщества. Я имею в виду именно современное общество, потому что «открытие Америки» или первые кругосветные путешествия, доказавшие, что земля круглая, несомненно, являются событиями глобального масштаба. Эти и многие другие события положили начало превращению мира как совокупности человеческих сообществ, разделенных морями и океанами, в глобальный, то есть взаимозависимый мир. Значительная часть подобной «глобальной интеграции» была достигнута силовым способом. Тем не менее, параллельно развивались торговые, социальные и иные сети. *Главный сдвиг – это растущая взаимозависимость местных сообществ, стран и регионов.* Одни авторы называют Первую мировую войну началом процесса глобализации, другие – становление глобальных социальных институтов и выработку общих

«международных правил игры», третьи – переход ведущих капиталистических стран в фазу Четвертой промышленной революции, то есть в фазу информационного производства.

С моей точки зрения, наиболее существенно то, что большинство ученых и политиков земного шара почувствовало включенность своих стран и институций в этот глобальный «круговорот», какие бы местные силы не призывали к изоляции от него. Я позволю себе провести аналогию с концепцией биосферы, сформулированной Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским в начале XX века (Вернадский, 1980). Оба они были согласны в том, что дело не только в феномене всеобщей взаимозависимости, но и в том, что *сформировалась глобальная суперсистема, имеющая собственные закономерности эволюции*. Впоследствии американский биолог и экономист Б. Коммонер сформулировал эту взаимозависимость следующим образом: «Все связано со всем и все куда-то попадает. И ничто не дается даром». В терминах системной динамики эту взаимозависимость сформулировал американский ученый Дж. Форрестер (Forrester, 1971).

Интересно, что тогда же, в 1970 г., именно Форрестер предложил молодому ассистенту из Массачусеттского технологического института (США) Д. Мидоузу возглавить проект по изучению пределов роста глобальной социальной системы. Это проект, который развивался 50 лет, последний доклад был приурочен к 50-летию Римского Клуба (Weizsäcker and Wijkman, 2018). Однако до сих пор никаких «прорывных» решений этой проблемы выработано не было. Напротив, продолжалась и усиливалась борьба глобальных и региональных сил за ресурсы, власть и влияние. Более того, эта борьба приобретала все более хаотичный и непредсказуемый характер. Видимо, прав был немецкий социолог У. Бек, утверждая, что мы сегодня живем в мире «побочных эффектов» (side-effects), которые очень трудно предсказывать. Если этот

тезис дополнить напоминанием об «обратной связи» среды обитания и агентов влияния, то получается, что мир движется в направлении хаотичного (Броуновского движения), что чревато глобальными рисками для всего живого. Попробуем проанализировать некоторые причины растущей хаотизации глобальной СБТ-системы.

Информационные технологии и культурное наследие. Наше общество чтит акад. Д. С. Лихачева как одного из величайших российских историков и гуманистов, издаются его книги, проводятся конференции и памятные чтения в его честь. Сегодня линию на гуманизацию науки и массовой культуры продолжает коллектив под руководством проф. С. А. Кравченко. Однако на практике культура разделилась на классическую и массовую (поп-культуру), культурные мероприятия все более зависят от бизнеса, или просто становятся им и т.д. А местные краеведческие музеи бедствуют, параллельно идет процесс передачи музейных комплексов в ведение Православной церкви. Этот процесс требует «научного сопровождения», иначе происходит ненамеренная утеря культурных ценностей. Так, недавно реставраторы показали, как верующие «зацеловали» часть фресок Дионисия, выполненные им в XVI в. в Ферапонтовом монастыре, практически уничтожив их.

Вот передо мной две работы: статья Д. С. Лихачева «Экология культуры» (Лихачев, 1982), многократно тиражированная и переведенная на другие языки, и книга К. Шваба «Четвертая промышленная революция», переведенная на русский язык (Шваб, 2017). Эти работы представляют собой два полюса научного подхода: гуманистический (и одновременно, междисциплинарный) и технократический. Первый призывает к необходимости сохранения культурного наследия страны в его целостности, тогда как второй предрекает полную перестройку способа производства, который повлечет за собой цепь неизбежных потерь и бедствий. Вот только некоторые из них: неизбежное сокращение рынка живого труда, безработица (или в лучшем случае,

поденная работа безо всяких социальных гарантий), замену человека «умными машинами» и т.д. И, самое главное, изменится не только то, что и как мы делаем, но и то, кем мы являемся на самом деле (Шваб, 2017: 11). То есть грядет полная перестройка самого принципа сосуществования человека и им же созданной машины, технологии и общества.

Одним из ключевых понятий цифровой революции, по Швабу, является разрыв, дезинтеграция, крушение (*disruption*). Поэтому неслучайно Шваб прямо предсказывает, что цифровая революция «фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение». Это революция не имеет аналогов в истории человечества (Шваб, 2017: 9). И Шваб, говоря, что разные формы человеческого интеллекта являются *необходимыми инструментами*, позволяющими «функционировать в условиях четвертой промышленной революции и извлекать из них для себя выгоды» (Шваб, 2017: 131; выделено мною – О. Ян.). Как при этом сбалансировать «сосредоточенность на самом себе», то есть человеческий эгоизм, и «чувство общей цели» человечества неизвестно. «Доверие» и «сотрудничество» между богатыми и бедными, между вершителями судеб мира и париями «цифрового» общества, если я правильно понимаю этого автора, – весьма сомнительная идея.

Однако никакой дискуссии о соотношении этих двух противоположных трендов глобальной динамики ни в отечественной, ни в зарубежной социологической литературе я не нашел. Не было ее и на недавно состоявшемся Всемирном социологическом Конгрессе в Торонто. Каждый продолжал «копать свою ямку». В этом отношении показателен заключительный раздел книги Шваба, озаглавленный «На пути к новому культурному ренессансу». Помимо общих слов о необходимости такого ренессанса, важности доверия между людьми и народами я не нашел никаких конкретных предложений. Вот заключительный пассаж этого раздела: «Четвертая

промышленная революция обладает потенциалом роботизировать человечество и поставить под угрозу наши традиционные источники смыслов, такие как работа, общество, семья, личность». Так, значит, надо сначала все же оценить суть грядущих изменений, минимизировать их риски и только исходя из этого, думать о том, как двигаться к «новому коллективному моральному сознанию, основанному на едином представлении о судьбе» (Шваб, 2017: 136). О судьбе кого или чего? Показательно, что в разделе «Благодарности» названы десятки имен, в основном из стран Англо-Саксонского мира, но – ни одного из России. То есть это проект для «продвинутых», который потом будет предложен остальному миру.

Поэтому прежде чем мы включимся в эту технологическую гонку, мы должны четко определить, какие социальные и гуманистические цели преследует эта перестройка и как их достичь наименее болезненным для массового общества способом. Но этого мало.

Шваб противопоставляет абстрактных технологию и общество, нимало не интересуясь тем, как и как их будет примирять. А примирять их необходимо, поскольку они не только создаются разными агентами, но и имеют различные способы и инструменты воспроизводства. *Информационные технологии создаются в специализированных лабораториях и институтах* и потом навязываются всему обществу под угрозой увольнения, понижения в должности и т.п. Старшее поколение, в особенности пенсионеров, вообще никто не спрашивает и уж тем более не обучает новым технологиям – им информационные услуги просто навязываются сверху.

Культура же, ее нормы и коды вырабатываются постепенно и с непереносимым участием самых широких масс населения. Культура многогранна, многоаспектна, очень устойчива во времени и пространстве, и поэтому она может считаться междисциплинарным феноменом. Возьмем, например, то же краеведение, теории и

практике которого Лихачев посвятил многие годы жизни. Ведь краеведение – не только ведение, но и *творение* (*отписание, сохранение, обновление*) *среды обитания*, творение, которое осуществляется многими людьми совместно и рассчитано на многие годы. Именно таким путем создаются среда и образ Малой родины. Возьмем, например, г. Мышкин, маленький город в Нижегородской области, к которому долгое время был доступ только по реке. Город умирал, но усилиями местных жителей он за прошедшие 20 лет был превращен в живой памятник истории и культуры и был включен в Малое Золотое Кольцо. Причем всем его жителям, молодым и старым, нашлось дело по душе. Если же все связи человека с местом разрушены, то он превращается в вечного мигранта, которого еще век назад О. Шпенглер называл «перекати поле». Или уважаемый К. Шваб предлагает всему миру возврат к кочевому образу жизни?

«Четвертая власть» – власть над умами? СМИ есть сегодня та социальная сеть, без которой человек не может существовать. Я включаю в это понятие все виды информационных коммуникаций, кроме виртуальных сообществ, о которых речь пойдет ниже. Телевизор по объему и скорости доступной пользователю информации не сопоставим с компьютером или гаджетом, но, в конечном счете, они выполняют одну и ту же функцию включения человека в большой информационный мир, но одновременно этот мир начинает руководить нами, определяя наши мысли и действия. СМИ – тема отдельного подробного разговора, поэтому отмечу только их ключевые характеристики.

Первое, СМИ – это вторая, особая реальность. Причем реальность агрессивная, структурирующая наше восприятие реальной (материальной) жизни. Со временем индивид начинает или замещать информацией, образами, слоганами, продуцируемыми СМИ, эту вторую реальность, или же его сознание и поведение «раздваивается», порождая постоянный когнитивный диссо-

нанс. Это особенно хорошо видно на примере рекламы, которая просто психологически давит на потребителя, принуждая его делать ненужные траты и покупки.

Второе, СМИ – это действительно «четвертая власть», не только потому, что она постоянно окружает нас, и от ее воздействия мы никак не можем отделаться, но и потому, что СМИ, как правило, принадлежат или государству, или медийным магнатам. Как показали А. Арсеналт и М. Кастельс, эти агенты управляют содержанием и потоком информации при помощи всего двух инструментов: переключения (отключения) каналов или перепрограммированием контента СМИ (Arsenalt and Castells, 2008).

Третье, раньше ученые четко различали, где информация, отражающая состояние реальности, где «переработанная информация», которая затем используется в учебных целях и где откровенная пропаганда. Ученые могли это различать, потому что обладали фундаментальными знаниями о мире, в котором они жили. Сегодня же мир изменяется столь быстро, что научное его познание не успевает за изменениями «внешнего» мира. Поэтому всегда есть соблазн повысить свой престиж, заявив нечто сенсационное первым. И неважно, что это потом забудется.

Четвертое, это была развилка путей науки и СМИ (time gap). Общественные науки продолжали изучать социальный мир, стремясь создать принципы и законы (нормы, правила, коды) его регулирующие, а этот мир изменялся столь быстро, что единственным способом догнать его становилось непрерывное производство все новых указов, подзаконных актов, разъяснений, указаний и т.д.

Пятое, однако, этой бюрократической, по своей сути, работы оказалось недостаточно. Действительность изменялась все быстрее. И тогда на вооружение общества и государства был взят прием, известный с древнейших времен. Речь идет о конструировании социальной и иной информации.

Однако если в прошлом создание дезинформации было, прежде всего, делом военных стратегов, то сегодня такое конструирование стало не только общим принципом, но и было возведено в ранг государственной политики.

Шестое, другая сторона этой перемены заключалась в том, что конструируемая публичная политика стала не только оружием борьбы противоборствующих сил, но стала быстро вытеснять научные знания как основы этой политики. «Социологи сказали» из императива этой политики превратилось в (необязательное) дополнение или украшение тех решений, которые принимали сами политики и тут же их распространяли при помощи СМИ.

Седьмое, конструировать информацию гораздо легче и быстрее, чем выстраивать разные системы глобального мониторинга. Особенно когда ее продуцирует лидер некоторой великой державы. А ему, как показала новейшая история, ничего не стоит пересмотреть свое решение или вовсе отменить его. Предсказать природную или техногенную катастрофу очень трудно, а припугнуть обывателя такой возможностью – легко. Политика стала приобретать «игровой характер». Не случайно, что телевизор полон мистических историй и апокалиптических предсказаний.

Восьмое, более того, СМИ превратились в инструмент, называемый на политическом языке «утечкой информации». Этим достигались две цели: в политический процесс вносился момент неопределенности, необходимый для дезинформации вероятного противника, и одновременно общественное мнение информировалось, что власть не дремлет, что она «в курсе» и в нужный момент скажет свое веское слово.

Девятое, СМИ формируют коллажное сознание, которое, с одной стороны, очень рассеяно, размыто и потому неустойчиво, а с другой стороны, потому что понижает потенциал активности индивида. Он все чаще предпочитает дожидаться ее рецепта, нежели принимать самостоятельное решение. К тому же, СМИ предпочитают

«горячие новости (breaking news), сенсации. Главное – это быть первыми, оглушить зрителя, заставить его ждать продолжения очередного политического детектива, но не готовить его к самостоятельным действиям.

Десятое, в конечном счете, медиамеганы и бюрократия находят друг друга, и человек оказывается не в состоянии принимать самостоятельные решения. Он вынужден или обращаться к адвокатам, или же опять ждать «продажи» очередного пакета «самых выгодных услуг», который завтра будет заменен другим пакетом.

Жизнь в виртуальном мире. В этом параграфе названы только некоторые черты жизни людей и социальных сообществ в социальных сетях (СС), в действительности ее разнообразие огромно. *Первое*, с разрушением семьи и соседства общение в СС частично компенсировало эту потерю. Одновременно уход в СС был естественной реакцией на давление СМИ и рекламы. Защищенные связи в сетях компенсировали утерю былой приватности и одновременно создавали новые площадки для общения индивидов (De Donk et al., 2004). Но это уже иная – цифровая – приватность, которая находится под постоянной угрозой хакерской атаки.

Второе, более того, это уже была иная, сетевая идентичность. Человек сети мыслил и действовал иначе, чем член местной общины. Конечно, это – только типологическое различие, но оно чрезвычайно существенно. Язык человека СС все более отличается от языка общения традиционных («земных») сообществ.

Третье, сегодня открытые и скрытые СС все более различаются по структуре, функциям и отношению к ним государства и общества. Фактически, это две мало пересекающиеся сетевые системы. Первые обсуждают преимущественно публичные дела и проблемы, а вторые – скорее, корпоративные или узкогрупповые.

Четвертое, СС являются сегодня инструментом для мирной и критической мобилизации. Под первой я понимаю краудсорсинг и хедхантинг (crowd sourcing and

head hunting), а под второй – все виды мобилизации людей и ресурсов для защиты от природных и техногенных катастроф. Однако оба вида мобилизации таят в себе опасность использования потенциально опасных людей и ресурсов, что было продемонстрировано многолетним исследованием Международного экономического сообщества (The Global Risks Research, 2018).

Пятое, но для нас сегодня особенно важными являются те виды и формы мобилизации, которые позволят нашему обществу осуществить переход к новому («цифровому») способу общественного производства наиболее быстро и с наименьшими потерями. Существенно, что в высоко интегрированном обществе СС выполняют функцию среды междисциплинарного общения.

Шестое, по моему глубокому убеждению, современная (в широком смысле) политика строится на двух противоречащих друг другу основаниях. С одной стороны, в условиях рыночной экономики весь глобальный механизм СС и, в особенности, рекламы, направлен на укрепление общества потребления. Но с другой стороны, с каждым днем растет ценность «закрытой» (инсайдерской) информации, которая должна защищать «своих» и подавлять «чужих».

Седьмое, СС как инструмент политической борьбы используются чрезвычайно широко (вербовка, политический и промышленный шпионаж, дезинформация и др.). Но если в обществе нет справедливости и демократии, то силы, борющиеся за более демократический мир, вынуждены использовать СС в своих интересах или создавать их скрытые каналы. В обоих случаях инсайдерская информация ценится чрезвычайно высоко.

Восьмое, видя громоздкость и растущее отставание институциональных решений, президент США Трамп и некоторые другие лидеры предпочитают «управлять миром» через личные сети (твиттер). Более того, личное общение лидера нации и рядового населения сегодня широко практикуется и в других странах, в том числе, и в РФ.

Девятое, роботы используются там, где решающими являются два критерия: объем обработанной информации и скорость выдачи результата. Таким институтом являются международные и национальные биржи. Однако, как свидетельствует надежный источник («Коммерсантъ» 02.09.2018), виртуальная преступность быстро растет именно в виртуальной сфере, потому что там такие преступления трудно исткать и еще труднее доказывать. Тем более, что одна секунда «опережения» инсайдерской информации по отношению к официальной стоит очень дорого. Таким образом, гонка между тайными и явными действиями перемещается в виртуальную сферу.

Этика системного подхода в социальных науках. С моей точки зрения, сегодня в условиях интегрированного и быстро изменяющегося мира задача системного подхода не ограничивается анализом прошлых и настоящих трендов и трансформаций. Эта задача заключается в предвидении путей глобальной динамики в совокупности ее природных, социальных и техногенных последствий. Если обществоведы не могут предсказать предстоящих в обществе изменений, то их моральная обязанность предвидеть ближайшие и отдаленные «побочные последствия» (side-effects, термин, введенный в научный оборот У. Бекон) этих изменений. Меняется мир – меняется этика его системного анализа.

Я не подвергаю сомнению важности тех норм и правил научного исследования, которые были сформулированы Р. Мертоном более полувека назад. Но времена изменились. Сегодня научное исследование встроено в ткань комплексного глобального процесса, который становится нелинейным и потому все менее предсказуемым. Поэтому предлагаемые биологами прямое применение методов естественнонаучного познания к изучению сложных СБТ-систем (Яблоков и др., 2018) также недостаточно. Изучение дискурсов, касающихся этих изменений, необходимо, но тоже недостаточно, в частности потому, что

сегодня эти дискурсы социально конструируются и направляются. Соответственно, «рационализм» как методология научного исследования постепенно вытесняется анализом сложных систем (Keen, 2008), учитывающим сложные прямые и обратные взаимодействия между агентами и средой их обитания.

Иными словами, «онтология» как создатель своей этики сегодня развивается все быстрее «гносеологии». Не случайно обществоведы все чаще используют в своих исследованиях не методы массовых опросов или изучение «случаев» (case-studies), а непрерывный мониторинг глобальной динамики, производимый из множества точек земного шара, а также методы построения возможных направлений и сценариев ее будущей эволюции. Наличие инсайдеров, продуцирующих информацию «изнутри» изучаемого процесса, есть другой метод непрерывного изучения современных глобальных процессов. Такими инсайдерами могут быть как индивиды, так и технические системы (камеры непрерывного наблюдения, жучки, дроны и т.д.).

Но и этого, по моему мнению, недостаточно, потому что *сами принципы и организация глобального мира являются полем острой политической борьбы*, в условиях растущего дефицита ресурсов и растущей численности населения земли. Поэтому реальная этика «мирного сосуществования» населяющих нашу планету существ должна базироваться на принципе, который я называю «пределом допустимости». Ожесточенная борьба за ресурсы не должна привести к уничтожению всего живого на земле.

Значит, нужна этика гибридной войны. Однако трактовка этого термина как комбинации разных методов идеологической, экономической, технологической и иной войны не отвечает сути происходящего. Гибридная война – это лишь эфемеризм, скрывающий основной принцип капиталистического способа производства: борьба против конкурентов любыми спосо-

бами. Сегодня, когда уже нет социалистической системы, борьба между различными агентами капиталистического способа производства стала еще более острой. То есть противоречие заложено в сути самого капиталистического способа производства. В ход идут любые средства, политические, идеологические, медийные или технологические.

И выбор здесь невелик: или одна сторона временно победит своего противника, и борьба «всех против всех» будет продолжена с переменным успехом. Или все живое будет уничтожено, или же наша планета взорвется вследствие резкого нарушения внутреннего баланса между ее ядром и его оболочкой (мантией). Замечу, что вся этическая программа международного исследования «Пределов роста» – в его рамках было подготовлено 40 докладов Римскому Клубу – этот проект, который продолжался 50 лет, содержал лишь набор ограничений, которые следовало бы наложить на рост населения, потребление ресурсов (в том числе, энергетических) и т.д. (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018). Особенно в этом преуспели технократы, полагающие, что население, темпы его роста, и его потребности сократятся естественным образом вследствие замены человеческого труда «умными машинами». Эту форму технократической этики можно квалифицировать как «предельное безразличие» капиталистической системы как субъекта в отношении агентов, ее создающих.

Но, допустим, что здравый смысл на некоторое время возобладает. Но остается и бурно развивается самый мощный и наиболее эффективный инструмент гибридной войны: конструирование социальных фактов и их внедрение в массовое сознание. Я пока не вижу путей для создания этического противоядия этой атаке фейковой информации. Очевидно одно: гибридная война, подкрепленная акциями устрашения (санкциями, обвинениями в нарушении международных соглашений, угрозой военного вмешательства) все более перемеща-

ется в сферу сознания людей, формирования стереотипов их повседневного поведения. Этика гуманизации всех общественных отношений, включая создание новых технологий, (Сорокин, 2000; Кравченко, 2015, 2018), сама по себе чрезвычайно актуальная, сегодня не находит отражения ни в идеологии, ни в глобальной политической практике. Напротив, набирает силу этика «сильной руки», подавления инакомыслия, подчинения слабого сильному.

Я опускаю здесь проблему «нормальной аномии», когда ускорении темпа перемен ведет к подчинению человека сконструированных виртуальных образов, поскольку оно детально проанализирована в коллективном исследовании под руководством проф. С. А. Кравченко (Кравченко, 2018). Замечу только, что у этой проблемы есть еще одна сторона: искейп, то есть полный уход индивида в виртуальный мир. И чем сложнее и непонятнее становится мир реальный, тем виртуальный мир привлекает своей открытостью и многообразием. Лишь позже человек начинает понимать, что он полностью «гол» и беззащитен на ветру ускоряющихся перемен. Во всяком случае, западные социологи бьют тревогу по поводу разрушения «приватности», этого бастиона индивидуальной жизни и демократии (Friedwald and Pohoryles, 2013). Или, как его называл Э. Гидденс, «кокона основополагающего доверия».

Последнее. До сих пор этические системы исходили из общества людей и были обращены к ним же. Но как выстраивать этическую систему, если социальными агентами становятся не только люди, но и гибридные существа? Что мы должны сделать: заложить в электронный мозг «умных машин» наши этические представления о должном поведении? Но на то они и «умные машины», чтобы действовать самостоятельно, смотря по обстоятельствам. Но эти будущие обстоятельства в «текущем мире» нам неизвестны. Пока что получается, что все эти нерешенные вопросы человек просто «заложит» в электронный мозг машины

и будет совершенствовать его по мере изменения ситуации. То есть мы приходим к тому, с чего начали: человечество не успевает за темпом перемен, оно их не предвидит, а лишь следует за ними. Это – замкнутый круг.

Заключение (Conclusions). Сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение. Структуру и функционирование современного мира можно описать в терминах социальных сетей, но понять и тем более прогнозировать его динамику только в этих терминах невозможно. Есть сети и потоки, которые не подчиняются известным на сегодня современной науке законам термодинамики. Всегда есть риск «неожиданных» событий и их последствий. То есть функционированию и динамике этих сетей присущ вероятностный характер.

С исторической точки зрения, современные социальные сети не представляют собой ничего принципиально нового. Как и всякая инновация, *информационные сети всегда двусторонни*: в одном случае они дают новые инструменты и открывают новые горизонты, а в другом они увеличивают риск глобальных аварий и катастроф всех видов. В одних случаях они стимулируют экономическое и социальное развитие, а в других его тормозят и даже разрушают.

Я ничуть не отвергаю важности дискурсивного анализа, но при всех его достоинствах он все же вторичен. Наша наука слишком долго фиксировала состояние общества по принципу «больше – меньше», тогда как сегодня, прежде всего, необходимо изучение его динамики и сопряженных с ней вызовов и рисков. О динамике общества можно дискутировать сколько угодно, но *сегодня познание ее онтологии, ее плюсов и минусов в конкретно-историческом контексте* – наиболее актуальная задача.

Онтология динамики современных сетей должна изучаться в категориях пространства и времени. Обе эти категории – не линейные. И время, и пространство могут «искривляться», «замедляться», как в

зависимости от целей, которые ставит человек, так и от состояния среды, социальной, биофизической, техногенной и т.д., в которой он живет и действует.

Список литературы

Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. 320 с.

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.

Кравченко С.А. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. М.: «МГИМО-Университет», 2018. 209 с.

Лихачев Д.С. Экология культуры // Знание-сила. 1982. № 6. С. 22-24.

Сорокин П. Интегрализм – моя философия // Социологические исследования. 1992. № 10.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗГХИ, 2000. 278 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.

Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. Очерки биосферологии. СПб.: Свое издательство, 2018. 150 с.

Arsenault A. and Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. № 23(4). Pp. 488-513.

De Donk W., Loader B., Nixon P., Rucht D., eds. Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements. London: Routledge, 2004. 194 p.

Fisher F. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. Durham and London: Duke University Press, 2003. 336 p.

Forrester J.W. World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press, 1971. 263 p.

Friedwald M. and Pohoryles J. 2013. Technology and Privacy. Innovation // The European Journal of Social Science Research. 2013. № 26 (1-2). Pp. 1-6.

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity, 2008. 293 p.

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

The Global Risks Report 2016. Geneva: World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks (дата обращения: 01.09.2018)

Touraine A. Return of the actor: social theory in postindustrial society. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

Von Weizsäcker E.U. and Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet. Springer. 2018. DOI 10.1007/978-1-4939-7419-1.

Yanitsky O. Sociobiotechnical Systems: a New Approach to Man-Nature Interactions // On Globalization and its Environmental Consequences. Moscow: Institute of Sociology Russian academy of sciences, 2016. Pp. 123-135. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4603 (дата обращения: 01.09.2018).

References

Vernadskiy, V. I. (1980), *Problemy biogeokhimii. Trudy` biogeokhimicheskoy laboratorii* [Problems of biogeochemistry. Proceedings of the biogeochemical laboratory], Vol. XVI, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2015), *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovannost` gumanisticheskogo povorota*, [Sociological knowledge through the prism of "arrows of time": the demand for humanistic turn], «MGIMO-Universitet», Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2018), *Gumanisticheskii povorot: imperativ chelovecheskoy tsivilizatsii* [A humanistic twist: the imperative of human civilization], «MGIMO-Universitet», Moscow, Russia. (In Russian).

Likhachev, D. S. (1982), "Ecology of culture", *Znanie-sila*, (6), 22-24. (In Russian).

Sorokin, P. (1992), "Integralizm – moy filosofiya", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10). (In Russian).

Sorokin, P. A. (2000), *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmeneniy v bol'shix sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics: a research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and social relations], ZGXI, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Shvab, K. (2017), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution], Izdatel'stvo «E», Moscow, Russia. (In Russian).

Yablokov, A. V., Levchenko, V. F. and Kerzhentsev, A. S. (2018), *Ocherki biosferologii* [Essays on biospherology], Svoe izdatel'stvo, St. Petersburg, Russia. (*In Russian*).

Arsenault, A. and Castells, M. (2008), "Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics", *International Sociology*, (23), 488-513.

De Donk, W., Loader, B., Nixon, P., Rucht, D. and eds. (2004), *Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements*, Routledge, London, UK.

Fisher, F. (2003), *Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*, Duke University Press, Durham and London, UK.

Forrester, J. W. (1971), *World Dynamics*, Wright-Allen Press, Cambridge, UK.

Friedwald, M. and Pohoryles, J. (2013), "Technology and Privacy, Innovation", *The European Journal of Social Science Research*, (26), 1-6.

Keen, D. (2008), *Complex Emergences*, Polity, Cambridge, UK.

Schwab, K. (2016), *The Fourth Industrial Revolution*, World Economic Forum, Geneva, Switzerland.

The Global Risks Report (2016), World Economic Forum, Geneva, available at: www.weforum.org/risks (Accessed 1 September 2018).

Touraine, A. (1988), *Return of the actor: social theory in postindustrial society*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.

Von Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*. Springer.

Yanitsky, O. (2016), "Sociobiotechnical Systems: a New Approach to Man-Nature Interactions", in Yanitsky, O. (ed.), *On Globalization and its Environmental Consequences*, Institute of Sociology Russian academy of sciences, Moscow, 123-135, available at:

http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4603 (Accessed 1 September 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.